

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
20—22 июня 2013

Телевизионная сессия CNBC
БУДУЩЕЕ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА: КАК ИМ УПРАВЛЯТЬ?

20 июня 2013
16:00—17:00, Павильон 4, Зал 4.2

Санкт-Петербург, Россия
2013

Модератор:

Джефф Катмор, Телеведущий, CNBC

Выступающий:

Антон Силуанов, Министр финансов Российской Федерации

Участники дискуссии:

Алексей Кудрин, Декан, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Джордж Магнус, Старший экономический советник, UBS Investment Bank;
автор книги «Подъем» (Uprising)

Дж. Катмор:

Дамы и господа, добро пожаловать на очередную встречу, организованную каналом CNBC. В нашей программе принимает участие министр финансов Российской Федерации господин Силуанов. Надеюсь, наше обсуждение роли России в глобальном экономическом контексте будет откровенным и увлекательным. Мы подробно остановимся на некоторых проблемах, стоящих сейчас перед Россией, в особенности на тех, которые больше всего волнуют нашу аудиторию. Я имею в виду сообщество международных инвесторов — тех людей, которые, в принципе, готовы прийти в эту страну и вложить свои средства в ее экономику. Примерно в таком направлении пойдет наша беседа. Отдельно хочу поприветствовать хорошо знакомого всем вам Алексея Кудрина, долгое время занимавшего пост министра финансов России, а также Джорджа Магнуса, представляющего финансовую корпорацию UBS. Он обрисует нам панораму текущих экономических процессов, а кроме того, как эксперт, остановится на отдельных вопросах, связанных с развитием экономик стран БРИКС и на тех трудностях, которые стоят сейчас перед ними.

Как обычно, обращаю ваше внимание на то, что во время обсуждения будет вестись видеосъемка. Так что если вы не хотите, чтобы потом у вас были неприятности (мало ли с кем рядом вы попадете в кадр), лучше сразу пересядьте на другое место. Уверяю вас, нам вовсе не нужно, чтобы дома вам устроили допрос с пристрастием после просмотра трансляции наших дебатов. Полагаю, мы можем начинать. Адам, Вы готовы? Адам — видеорежиссер, который руководит съемками нашей программы.

Просьба к тем, кому потребуется перевод, получить приемники и наушники. Господин министр сказал, что предпочитает выступать по-русски. Мой же русский не настолько хорош, чтобы я мог вести передачу на этом языке. Предлагаю поступить так: я буду задавать вопросы по-английски, а вы будете отвечать по-русски. Вы согласны, господин министр?

Отлично. Я очень рад встретиться с Вами в этой уютной, почти камерной обстановке. Уверяю Вас: все, что Вы скажете, останется между нами. Или не

останется. Ну что, все готовы? Всё в порядке? Еще одна просьба: пожалуйста, убавьте громкость ваших телефонов или отключите звук. Все мы люди деловые, у всех куча забот, поэтому я не прошу вас выключать телефоны совсем. Прекрасно понимаю: это же смерти подобно! По крайней мере, смерти в киберпространстве. В общем, мы как организаторы съемок будем очень признательны всем гостям, если громкие звонки не будут слишком часто отрывать нас от беседы. Отлично, большое спасибо.

Ну что же, устраиваемся поудобнее и, если все готовы, — полный вперед!

Господин министр, мы рады приветствовать Вас здесь, в нашей студии. Мы признательны Вам за то, что Вы нашли время для участия в дебатах, организованных телекомпанией CNBC. Для начала я попрошу Вас поделиться с гостями программы своим видением процессов восстановления мировой экономики после финансового кризиса. Сегодня все мы обсуждаем намерение ФРС приостановить действие части мер, направленных на смягчение последствий кризиса. Активно работают и центробанки многих других стран. Нельзя не отметить, что кое-где наблюдаются пусть и фрагментарные, но вполне очевидные признаки улучшения ситуации, оздоровления экономики. Как же идет восстановление, на каком этапе преодоления последствий кризиса мы сейчас находимся? Прошу Вас, господин министр.

А.Силуанов:

Добрый день, уважаемые коллеги. Сейчас по-настоящему активно обсуждаются вопросы о том, на каком пути мы находимся и какие последствия снижения количественного смягчения, заявленного Федеральной резервной системой, ожидаются для России и для других рынков. На недавней панели, где обсуждались вопросы финансового регулирования, звучала мысль о том, что в текущем периоде необходимо готовиться к новому кризису. Нельзя сказать, что экономическая ситуация в целом стабильна: динамика экономического роста говорит об общем снижении темпов мировой экономики. В связи с этим обсуждаются вопросы подготовки каждой страны к принятию

мер по стимулированию экономического роста, по недопущению ситуации, которая сложилась в 2008—2009 годах, в острой фазе кризиса. Вы только что задали вопрос: «А что будет в случае сокращения количественных ограничений в США к 2014 году, как это скажется на российском и мировом финансовых рынках?» Хочу сказать, что я не вижу для России особых проблем. В первую очередь проблемы затронут те развивающиеся рынки, в которые приходил спекулятивный капитал. Сейчас будут цениться американские активы, цена которых вырастет, и капитал будет перетекать в США из других стран. Поэтому нам нужно предпринять совместные действия на различных площадках (и на G20 в том числе) по координации финансового регулирования. Это необходимо, чтобы улучшить контроль и надзор за каждым финансовым институтом, чтобы не допустить создания пузырей, которые будут просто лопаться при снижении количественных ограничений. Иначе нас ожидают последствия, которые мы уже наблюдали в 2008 году, когда проблемы финансового сектора распространились на реальный сектор. Ситуация действительно нестабильная, и нам нужно готовиться. Мы должны реализовать целый ряд реформ финансового регулирования, и это касается каждой из сторон. Нужно улучшить систему надзора за финансовыми институтами, не только за банками. Это особенно актуально для России, где плохо регулировался очень большой сегмент данного рынка. Я говорю о страховых компаниях и пенсионных фондах, которые до последнего времени не имели средств для участия в системе страхования осуществляемых ими операций. Россия создает мегарегуляторы, чтобы повысить качество надзора за данными институтами. Говоря о других странах, особое внимание нужно уделять системообразующим финансовым институтам, например, системе too big to fail, когда особенно пристальное внимание уделяется крупным компаниям, доминирующим на рынке. Однако сейчас Международный валютный фонд выделяет 28 таких компаний, подлежащих особому регулированию. Я считаю, эту политику нужно применять и на локальных рынках, где есть свои компании, также требующие особо пристального

внимания. Если вернуться к России, то у нас государственную политику определяют буквально три-четыре финансовых института или государственных банка. Если Сбербанк или «Внешторгбанк» снижают ставки, то весь рынок идет вслед за ними, и наоборот. Поэтому в области финансового регулирования не только перед Российской Федерацией, но и перед всеми странами мира стоит задача регулирования системообразующих финансовых организаций. Пожалуй, здесь я остановлюсь, поскольку сказано уже очень много. Замечу, что нам нужно координировать усилия в сферах финансового надзора и финансового регулирования — с одной стороны, чтобы не допустить арбитража между странами, а с другой стороны, чтобы предотвратить ситуацию, подобную той, которая сложилась в 2008 году.

Дж. Катмор:

Господин министр, спасибо за столь подробный ответ. Вы подняли гораздо больше вопросов, чем мы успеем затронуть в ходе нашей встречи. Позвольте мне все же поинтересоваться Вашим мнением о смягчении монетаристской политики. Как мы видим, в последнее время центральные банки ряда стран ведут не слишком жесткую финансовую политику. Активно работают в этом направлении финансовые власти Японии; признаки смягчения курса демонстрирует Английский банк; поговаривают, что Марио Драги готов делать очередные шаги в этом направлении, если в Европе появятся признаки возвращения кризиса. Вы же, судя по всему, не собираетесь убеждать Центральный банк России в необходимости проводить более мягкую финансовую политику.

Не думаете ли Вы, что уже настало время увеличивать объем заимствований ради ускорения экономического роста? На протяжении последних пяти кварталов ваша экономика демонстрирует более чем скромные показатели роста. При этом уровень инфляции в стране по-прежнему нельзя назвать низким. Не пора ли России перейти к более активной финансовой политике,

чтобы изменить ситуацию и пресечь неблагоприятные тенденции в национальной экономике?

А.Силуанов:

Вы знаете, этот вопрос уже обсуждался Правительством Российской Федерации. У нас немного другая ситуация, нежели в странах, проводящих политику количественного смягчения. Почему эти страны проводят такую политику? Потому что уменьшается агрегат M2, денежная масса, потому что банки снижают темпы кредитования и меньше генерируют деньги. Соответственно, чтобы обеспечить денежное обращение необходимой ликвидностью, центральные банки вбрасывают ликвидность в экономику. Но что у нас происходит? У нас достаточно высокие темпы кредитования, особенно на потребительском рынке. На самом деле реальный сектор кредитов растет не на 15%, а на все 40% и более, с учетом потребительского рынка. Поэтому если мы будем проводить политику количественного смягчения, когда Центральный Банк покупает государственные облигации и эмитирует дополнительные рубли, то мы получим лишь эффект дополнительной инфляции. А эффект увеличения инфляции ведет к увеличению стоимости кредита и нестабильности на кредитном рынке. Поэтому мы считаем, что политика количественного смягчения для России сейчас абсолютно неприемлема. Напротив, мы должны бороться с инфляцией и развивать новые мощности. Сейчас у нас большая загрузка мощностей и низкая безработица. Другими словами, нужно совершенно другое качество роста. Простая денежная накачка приведет к тому, что деньги придут на валютный рынок, не увеличивая капитала. Поэтому сейчас, на мой взгляд, абсолютно неправильно сравнивать российскую ситуацию с ситуацией в других странах. Мы должны проводить свою политику в этой сфере.

Дж. Катмор:

По-моему, настало время выслушать мнение господина Кудрина по этому вопросу. Как известно, он давно выступает с критикой реформ, проводимых в российской экономике, и считает недопустимо высокой степень ее зависимости от доходов нефтегазового сектора. Господин Кудрин, я приглашаю Вас присоединиться к разговору. Что еще, по Вашему мнению, может быть сделано на данном этапе? Как можно решить проблему замедления экономического роста?

А. Кудрин:

Спасибо. Я согласен с основными выводами, которые сделал Антон. Сейчас мы не нуждаемся в существенном изменении денежной политики. Более того, разговоры об этом отвлекают нас от реальных мер поддержки экономического роста. Необходимо понимать, что наш экономический рост сегодня зависит от новых факторов, отличных от тех, что действовали последние десять лет. Мы полностью утратили возможность наращивания роста за счет увеличения объемов добычи нефти и роста цен на нефть. Это составляло примерно половину нашего роста в предыдущее десятилетие. Соответственно, нам нужно больше думать об условиях для бизнеса и всех основных отраслей. Им нужны низкие процентные ставки и длинные деньги для модернизации. В настоящее время высокая инфляция и высокие экономические риски не позволяют банкам выдавать кредиты под низкие ставки и на долгий срок. Это ключевая проблема, которая блокирует приток инвестиций и ввод дополнительных мощностей. Поэтому я согласен, что важно добиться снижения инфляции для последующего естественного, рыночного снижения ставки кредитования. Безусловно, сейчас государство может принять дополнительные меры. В первую очередь, государство (министерство, Правительство) не определилось с основными экономическими решениями в разных отраслях. У нас по-прежнему недостаточно выверена стратегия, а к недавно утвержденному прогнозу Правительства есть большие вопросы. Мы

ждем стратегию Минфина до 2030 года, которая даст дополнительные ориентиры. Однако эта стратегия должна быть сбалансирована с прогнозом и должна отражать консолидированное видение Правительства, что серьезно помогло бы бизнесу. Я рекомендую провести бюджетный маневр, так называемый «плюс три, минус три»: другими словами, примерно на 3% ВВП увеличить отдельные расходы, прежде всего на инфраструктуру, образование и здравоохранение, и на 3% ВВП снизить другие расходы, прежде всего на оборону, безопасность и субсидирование экономики. Нашу ситуацию с безопасностью нельзя признать нормальной. Мы тратим очень большие ресурсы на обеспечение безопасности и не получаем адекватного эффекта. Здесь имеется резерв повышения эффективности, а осуществление некоторых программ можно растянуть на более длительный срок. Требуется прояснить вопрос государственных тарифов, уменьшить сферу государственного регулирования тарифов. Прежде всего, это касается промышленности. При дерегулировании тарифов для населения нужно проявлять определенную осторожность. Подобного рода структурные меры будут полезны. Кроме того, существуют проблемы Пенсионного фонда, где очень большие трансферты съедают возможности развития. Таковы основные проблемы.

Дж. Катмор:

Благодарю Вас. Как я понимаю, если не работаешь в правительстве, говорить на некоторые темы можно свободнее, чем когда представляешь официальную точку зрения.

Я же хочу несколько расширить тему нашей беседы. Как известно, в мире идет жесткая конкурентная борьба за доступ к капиталу. Многие из тех мер, которые мы сегодня обсуждали, помогут изменить представление о России и сделают эту страну привлекательным местом для инвестиций. Что еще в ближайшей перспективе может стать козырем России в борьбе за

возвращение тех капиталов, которые вплоть до настоящего времени выводились из страны?

А.Силуанов:

Давайте я приведу цифры утечки капитала. В этом году у нас идет снижение оттока капитала. За аналогичный период прошлого года утекло 79 миллиардов долларов, в этом году — 29 миллиардов. С другой стороны, статистическая система подсчета утечки капитала такова, что зарубежные инвестиции наших компаний (например, покупка активов) также считаются оттоком капитала. Это могут быть и государственные компании, которые сейчас не фиксируют свою деятельность. Чем больше наши компании интегрируются в зарубежную экономику, тем более сильный происходит отток капитала. Не стоит опасаться того, что из России утекают такие объемы ресурсов: просто компании строят свой бизнес подобным образом, и в этом нет ничего опасного. С другой стороны, нужно ответить на вопрос об основных приоритетах России на ближайшее время. Что касается Министерства финансов, то мы стремимся к понятной бюджетной политике, которая вытекает из налоговой политики. Мы говорим, что не будем повышать налоги, а, напротив, будем создавать более благоприятные условия и давать налоговые преференции в отдельных регионах, где требуется развитие. Второе — это ограничение расходов и снижение нефтегазовой зависимости бюджета, чтобы наш бюджет все меньше и меньше зависел от цены на нефть и от ситуации на мировых рынках. Третье: мы должны проводить адекватную политику в сфере заимствований, чтобы не высасывать ликвидность через бюджет. Четвертое: мы занимаемся финансовым регулированием и активно проводим реформы для стимулирования притока финансовых капиталов в Россию. Мы создаем условия для того, чтобы отечественные инвесторы не выходили с размещением на внешние рынки, а размещались в Российской Федерации, чтобы налоговые условия были приемлемыми и чтобы работа на внутреннем финансовом рынке была такой же комфортной, как и на внешнем. В области

финансов и бюджета мы будем делать всё, чтобы завоевать доверие инвесторов и обеспечить прозрачность политики. Хочу сказать, что нам это удастся. Мы заняли десятое место в мире по степени открытости бюджета и сейчас продвигаемся по пути создания благоприятной системы налогового администрирования. Другими словами, Правительством намечен целый ряд структурных мер по повышению привлекательности инвестиционного климата в России. Я только что озвучил некоторые из них, касающиеся финансового сектора.

Дж. Катмор:

Я бы хотел задать Вам вопрос о роли лидеров. Говоря как о США, так и о Европе, мы затрагивали тему лидерства: кто обладает полномочиями принудить центральный банк проводить ту или иную политику? Например, в Соединенных Штатах финансовые власти словно не замечают проблему высоких государственных расходов. Точно так же многие правительства в Европе не горят желанием идти по непопулярному пути жестких бюджетных ограничений.

В России ситуация такова: переменная лидерства сменилась константой. Президент Путин и премьер-министр Медведев находятся у власти уже достаточно продолжительное время. Тем не менее, когда я спрашиваю западных инвесторов о том, какие причины удерживают их от инвестирования в экономику России, мои собеседники неизменно упоминают фактор политической нестабильности.

Я хотел бы задать Вам такой вопрос: могут ли Путин и Медведев решить этот вопрос раз и навсегда? Могут ли они дать понять западным инвесторам, что Правительство едино, что в руководстве страны нет разногласий по основным вопросам, что стабильность налицо, что инвесторы могут чувствовать себя уверенно и спокойно?

А.Силуанов:

Мне странно слышать этот вопрос, поскольку тема политической стабильности вообще не стоит на повестке дня. Быть может, Алексей Леонидович выскажет иное мнение, но лично я и мои коллеги считаем, что вопрос о лидерстве и о стабильности политической ситуации в России не стоит на сегодняшней повестке дня. Необходимо решить, как наиболее эффективно воспользоваться этой ситуацией, насколько далеко мы сможем продвинуться по пути проведения реформ, в том числе не совсем популярных. Наверное, нам нужно более активно действовать в этом направлении. Я повторяю: мы готовы действовать. Правительство приступило к подготовке пенсионной реформы, направленной на постепенное снижение дотаций Пенсионному фонду. Мы готовим реформы в отраслях реального сектора, готовится финансовая реформа. Не все реформы благоприятно воздействуют на отдельные категории граждан, однако мы видим необходимость этих реформ. Наличие доверия к власти открывает возможность подобных реформ. Вопрос политического лидерства вообще не стоит. Мы имеем поддержку общества, которую надо использовать для проведения преобразований, содействующих и росту экономики, и более адресной поддержке социальной сферы.

А. Кудрин:

Хочу дополнить ответ Антона. Дело в том, что сейчас речь идет не о власти, рисках или нестабильности. Нужно говорить о том, что инвесторы считают политическими рисками. Эти риски для них несколько более конкретны. Инвесторы задаются вопросами о том, насколько предсказуемо будет меняться налоговая система, будет ли изменен режим валютного регулирования, будут ли вводиться ограничения (например, на отдельные операции), будет ли меняться соотношение полномочий управления между Правительством и Центральным банком? Такого рода изменения, оставшись непонятными и нелогичными для инвесторов, связаны с политическими рисками. Другими словами, будет ли меняться курс на либерализацию или не

будет? Речь идет как раз об этом. Если будет происходить усиление государственных институтов, государственных компаний, если будут отменены предыдущие планы по приватизации и планы реформ в отдельных отраслях, если усилится антизападная риторика, которая может даже коснуться некоторых участников рынка в части сбора информации (например, если ужесточится соответствующее законодательство) и представления отчетности иностранными инвесторами, то инвесторы почувствуют изменение курса. Инвесторы обеспокоены подобной перспективой, с которой они связывают политические риски. Они хотят видеть курс на усиление либерализации, на развитие России, на сохранение и выполнение всех международных подходов и стандартов в тех конвенциях, в которых мы участвуем. Именно этого ждут инвесторы. Что касается заданного Вами вопроса, то должен сказать, что он не имеет четкого ответа. Принятые решения противоречивы. Я вижу, что есть некоторое усиление дирижизма, как принято говорить, или государственного влияния, и недостаточно либерализации для проведения реформ.

А.Силуанов:

Здесь я также могу дополнить. Правительство Российской Федерации прекрасно понимает риск продолжения той экономической политики, которую Россия проводила ранее, и понимает все политические риски, поэтому наращивает степень либерализма. Речь не идет о том, чтобы разворачивать реформы и двигаться назад. Наоборот, мы будем двигаться вперед. Что касается налогов: будет стабильность налогообложения и не будет увеличения налогового бремени. В плане либерализации валютного курса и валютных операций, безусловно, мы будем придерживаться выработанной политики. Что касается приватизации: мы прекрасно понимаем, что приватизация — это не только поступление доходов в бюджет, но и снижение доли государства в экономике, поэтому правительство выступает за повышение конкуренции. Только так можно добиться открытости нашей

экономики и притока в нее необходимых инвестиций. Поэтому, вне сомнения, все положительные завоевания последних лет будут закреплены и дополнены.

Дж. Катмор:

Джордж, я предлагаю Вам присоединиться к разговору. Мы прекрасно понимаем, что российская экономика существует не в вакууме. Россия оказалась в числе тех стран, экономики которых, развивающиеся и перестраивающиеся, в полной мере ощутили на себе тяжесть последствий и побочных эффектов тех неблагоприятных явлений, которые сформировались в основном за их границами. Я имею в виду и проблемы Европы, и замедление роста в Китае, и антикризисные монетаристские меры, принятые в США для сдерживания роста, — те самые меры, которые Америка теперь начинает сворачивать.

Предстоящее лето, как мы предполагаем, будет нелегким для рынков капитала. Каким оно, по-вашему, станет для экономик, схожих с российской, — спокойным или бурным? Что нас ждет: штиль или шторм?

Дж. Магнус:

На этом Форуме действительно много говорилось о странах БРИКС. Речь в основном шла о расширении категории быстроразвивающихся рынков. У стран, объединяемых аббревиатурой БРИКС, больше различий, чем общих черт: у них совершенно разные экономики, разные преимущества и слабые стороны. Есть у этих стран и какие-то общие черты, пусть их и не так много.

Например, господин Кудрин много говорил о том, что пугает международных инвесторов в России. Точно такие же опасения инвесторы высказывают по поводу работы в Бразилии, Турции, Мексике, Китае и во многих других странах. Несомненно, еще одной общей чертой крупных развивающихся рынков на данном этапе является структурное замедление их роста. Последние 25 лет стали очень благоприятным временем для многих быстроразвивающихся стран, включая и Россию. Тем не менее, ситуация меняется, и, как мне

кажется, прогнозы роста этих экономик пора серьезно пересмотреть, причем в сторону понижения.

Мы все понимаем, что многие этапы экономического развития можно пройти только один раз. Страны БРИКС и другие растущие рынки достигли огромного прогресса в развитии своих экономик и перешли в категорию стран со средним доходом или даже выше среднего. Россия, несомненно, принадлежит к числу стран, совершивших такой прорыв. Теперь все будет сложнее. Вам предстоит много и упорно работать над тем, чтобы поддержать экономический рост, сделать его устойчивым — особенно в условиях глобальных экономических потрясений и нехватки капиталов. Об этом, о насущно необходимых структурных реформах как раз и говорили и господин Кудрин, и господин Силуанов.

Найти верное решение будет нелегко. Кроме того, эти темы очень болезненны с политической точки зрения. Если вы действительно серьезно настроены реформировать экономику, вам придется завоевывать доверие международных инвесторов. Трудностей на этом пути немало. Например, я как сторонний наблюдатель могу сказать, что Россия проигрывает Китаю, если сравнивать производственную базу этих двух стран. Благоприятный налоговый климат, несомненно, важен для инвесторов, но им нужны еще и широкие бизнес-возможности с перспективой высокой отдачи с вложенного капитала. В этом отношении Китай имеет огромное преимущество по сравнению с другими развивающимися странами, включая и Россию.

Дж. Катмор:

С вашего позволения, я бы перешел к следующей теме. Несомненно, Россия играет важную роль в «Большой двадцатке». В этом году именно здесь, в России, состоится встреча руководителей стран, входящих в эту группу. Представляется очевидным, что крупнейшие экономики мира, координируя свои действия, в силах помочь друг другу противостоять неблагоприятным тенденциям. Как Вы полагаете, какие вопросы будут внесены в связи с этим в

повестку встречи «Большой двадцатки», с учетом председательства России в этой организации?

А.Силуанов:

Действительно, на саммитах G20 происходит анализ экономической ситуации в мире, намечаются меры по усилению взаимодействия между странами, в том числе по финансовому регулированию, по проведению бюджетной и фискальной политики. Что сегодня служит одной из причин снижения темпов роста? Это большие долги, накопленные странами за последние годы, когда проводилась политика жизни в долг. Даже наши коллеги мне говорили: «Посмотри, эти страны живут в долг, мы тоже должны перейти к такой политике». Однако практика показала, что жить в долг нельзя. Когда долг превышает все мыслимые и немыслимые пределы, когда он зашкаливает за 100% ВВП, становится крайне сложно выбраться из этой ситуации. Поэтому перед министрами финансов стран-лидеров G20 уже встает вопрос о том, как выйти из этой ситуации. Страны-эмитенты резервных валют накопили огромные долговые обязательства, и непонятно, как быть дальше. Это вызывает общую нестабильность мировой экономики, влияет на волатильность валют и отражается на мировой экономической ситуации в целом. Поэтому перед G20 стоит задача обсуждения текущей ситуации, совместной выработки мер и отыскания сложных решений. У нас есть специальные рамочные соглашения, согласно которым все правительства берут на себя обязательства по снижению долга, сокращению дефицита бюджета и так далее. Задача G20 состоит в координации усилий по преодолению сложных экономических проблем. Этому будет посвящена и та встреча «Двадцатки», которая пройдет в начале сентября в Санкт-Петербурге.

Дж. Катмор:

Господин министр, к сожалению, мне напоминают, что наше время подошло к концу. Я очень признателен Вам за то, что Вы нашли время прийти на нашу

встречу и приняли столь активное участие в обсуждении. Я также благодарю господина Кудрина и Джорджа Магнуса за их участие в нашей беседе. Дамы и господа, я попрошу вас выразить аплодисментами нашу признательность уважаемым участникам сегодняшней встречи.

Хорошо. Спасибо всем за участие, благодарю Вас, господин министр.